

In memoriam

С. В. Мейен

**палеоботаник,
эволюционист,
мыслитель**

С.В. Чебанов¹

Памяти Сергея Викторовича Мейена²

За прошедшие 18 лет проведено несколько конференций памяти Сергея Викторовича, написано немало работ, которые отражают отдельные стороны его жизни и деятельности — палеоботаника, эволюциониста, стратиграфа, типолога, методолога, этика...³ Можно говорить о нем и как об авторе его собственной модели жизни и собственного жизненного мира.

Этот мир строился Сергеем Викторовичем из разных деталей всю его жизнь. Как и у многих наших сограждан в XX в., этот мир как целое не был воспринят от родителей (тем более что его отец, ихтиолог Виктор Александрович Мейен был арестован по доносу в 1941 г. и через год погиб), хотя и его мать София Михайловна Мейен (Голицына), и многочисленные родственники заботились о воспитании Сергея Викторовича. Он считал, что главное влияние на его мировоззрение оказали мать и бабушка Александра Викторовна Мейен.

Мир Сергея Викторовича строился из разных деталей, судьба которых складывалась по-разному, прежде чем стать частью этого мира. Так, согласно семейным традициям Шереметевых (София Михайловна была в родстве с ними), Сергей Викторович обучался игре на виолончели (в семье Шереметевых это было принято для мальчиков), и этот «урок» им был освоен с детства (он окончил с отличием музыкальную школу)⁴. Православное же воспитание

¹ Автор приносит глубокую благодарность А.В. Гоманькову за ценные уточнения и дополнения.

² Эта версия текста подготовлена по предложению И.А. Игнатьева на основе предыдущей публикации (*Чебанов С.В. Памяти Сергея Викторовича Мейена (17.12.1935–30.03.1987) // Логос живого и герменевтика телесности. М.: Академический проект, 2005. С. 663–673*). В тексте сохранено большинство редакторских замечаний И.А. Игнатьева (*И.И.*), с благодарностью принятых автором как ценное дополнение к материалу.

³ См., например: *Гоманьков А.В. Биографический очерк // Мейен С.В. Введение в теорию стратиграфии. М.: Наука, 1989. С. 13–20; Мейеновские чтения // Знание — сила, 1994, №10; Материалы симпозиума, посвященного памяти Сергея Викторовича Мейена (1935–1987). М.: ГЕОС, 2001. 301 с.; Sergey Viktorovitch Meyen Has Died... // Lectures In Theoretical Biology. Tallinn: Valgus, 1988. P. 178.*

⁴ По словам С.В., обучение его в музыкальной школе было связано не столько с эстетическим воспитанием, сколько с его профессиональным будущим. Его мать опасалась, что из-за происхождения он не сможет получить высшего образования. Тогда он должен был стать профессиональным музыкантом. — *Прим. И.И.*

Софие Михайловне удавалось хуже (Сергей Викторович рассказывал, например, как уклонялся от посещения богослужений), и к христианству он сознательно пришел только в зрелом возрасте.

Сергею Викторовичу было свойственно выдвижение крупных проектов и осуществление их. По сути, таким проектом было окончание им одновременно двух факультетов — геологического и биологического — Московского университета¹. Другим таким проектом был грандиозный календарный план монографической обработки таксонов ископаемых растений, далеко выходивший за пределы отпущенной Сергею Викторовичу земной жизни. Подобным проектом было и изучение трех основных иностранных языков — проект, инициатором которого была учитель Сергея Викторовича Мария Федоровна Нейбург².

С.В. Мейен на выпускном экзамене в музыкальной школе (Москва, 1953 г.)

Сергей Викторович был крупнейшим типологом, причем значение его типологических исследований выходит далеко за пределы биологии и геологии (уже Иоганн Гёте осознавал необходимость создания общей типологии; этим фактически и занимался С.В. Мейен). В частности, он обратил внимание на то, что разрезание экземпляра на составные части (например, стула на ножки, сиденье и спинку) — операция логически совершенно иная, чем разделение совокупности экземпляров по группам (например, деление стульев по материалу на деревянные, металлические, пластиковые, по стилю — на ба-

¹ Формально он окончил только геофак, а на биофаке посещал большой практикум по анатомии и морфологии высших растений и некоторые другие занятия и лекции. — *Прим. И.И.*

² Мейен С.В. М.Ф. Нейбург (Заметки ученика) // Материалы симпозиума, посвященного памяти Сергея Викторовича Мейена (1935–1987). М.: ГЕОС, 2001. С. 241–258.

рочные, в стиле рококо, ампирные и т.д.). Тем самым были заложены основы самостоятельной дисциплины, занимающейся общими принципами разрезания целого на части, которую Сергей Викторович назвал мерономией (от греческого *μεροζ* — часть)¹, фундаментальное значение которой с годами осознается во все большей степени.

В связи с этим исключительно интересно следующее обстоятельство. Личное знакомство со многими типологами и знание биографий типологов прошлого приводит к заключению о том, что для многих типологов характерна неупорядоченность и безалаберность (начиная с Карла Линнея) их повседневной жизни. По-видимому, их профессиональная деятельность является противовесом их психического строя. У Сергея Викторовича, напротив, одно было продолжением другого (мы обсуждали это с ним), так что можно говорить даже об определенном его педантизме, источник которого как в семейном наследии, так и в уроках М.Ф. Нейбург. Видимо, в этом один из источников его исключительной продуктивности².

Этот педантизм, умение развернуть общую идею в последовательность осуществления многих мелких процедур обеспечили успех деятельности Сергея Викторовича во многих областях.

Благодаря этому Сергей Викторович смог обеспечить (тоже будучи инициатором М.Ф. Нейбург) идеальную систему ведения документации о палеонтологических образцах, этапах их изучения и т.д. Эта система была образцом для палеоботаников во всем СССР и за его пределами.

Это же качество позволило Сергею Викторовичу сделать палеоботаническую лабораторию в Геологическом институте Академии наук (ГИНе) центром обучения и координации деятельности всех «домеловых» палеоботаников СССР (особенно, специалистов по палеозою), обеспечила с 1972 г. исключительную плодотворность его деятельности в качестве генерального секретаря VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона (1975 г.).

Проявилось оно и в другой области — теории эволюции. Обнаружив слабые стороны современной эволюционной теории и познакомившись с взглядами на эволюцию номогенетиков (в частности, подружившись с А.А. Любищевым и испытав его значительное влияние), Сергей Викторович не встал под знамена ни одного из станов, а задумался о синтезе представлений двух школ³. Это было не только прояснением вопроса по существу, но и средством уменьшить чисто эмоциональный накал дискуссии⁴, что способствовало

¹ Мейен С.В. Систематика и формализация // Биология и современное научное познание (Материалы к конференции). Ч. 1. М., 1975. С. 32–34; Мейен С.В. Таксономия и мерономия // Вопросы методологии в геологических науках. Киев: Наукова думка, 1977. С. 25–33.

² Более 300 публикаций за неполные 52 года жизни. Как говорил на панихиде академик Б.С. Соколов, благодаря такой продуктивности память о Сергее Викторовиче будет намного более долгой, чем о многих ученых с академическими регалиями.

³ Мейен С.В. О соотношении номогенетического и тихогенетического аспектов эволюции // Журн. общ. биол., 1974, Т. 35, №3, с. 353–364.

⁴ Вообще, один из любимых советов Сергея Викторовича радикальным новаторам: «не дразнить гусей».

распространению идей номогенеза среди биологов и палеонтологов. В этом было отличие деятельности Сергея Викторовича от других номогенетиков, легко ввязывавшихся в полемику со сторонниками селекционного рандомизма (концепции, исходящей из того, что изменения организмов происходят случайно, рандомизировано, а затем подхватываются или не подхватываются естественным отбором, селекцией). Поэтому среди последних Сергей Викторович получил за эффективность своей деятельности прозвище «Че Гевара».

Подобный образ действий касался даже на первый взгляд малозначимых мелочей. Так, на XII Международном ботаническом конгрессе в Ленинграде (1975 г.) по инициативе Сергея Викторовича из Международного кодекса ботанической номенклатуры изымается представление о вспомогательной таксономической категории орган-рода (использовавшейся для таксонов изолированных частей растений — листьев, побегов, плодов), что открывает путь реформы не только палеоботанической, но и ботанической номенклатуры и уравнивает паратаксоны (типа современных несовершенных грибов *Fungi imperfecti*) и так называемые «биологические таксоны». Вместе с тем это было только одним шагом в желаемом направлении¹. Показательно, как это было сделано. Сергей Викторович рассказывал, что это предложение вызвало резкую дискуссию и отторжение членов номенклатурной секции конгресса. Переломить ситуацию удалось благодаря тому, что Сергей Викторович, зная, что влиятельный член комиссии является пастором пресвитерианской церкви, начал приводить чисто богословскую мотивацию своего предложения, после чего предложение было принято.

Важно то, что это был не только тактический ход, но и выражение мировоззренческой позиции Сергея Викторовича. В 1970–1980-е гг. он думал о биологической эволюции не только как о предмете естествознания, но и как о сюжете Священного Писания, консультировал богословские исследования (о. Владислав Свешников). В 1981 г. он написал и распространил в самиздате рецензию на книгу Т.Хайнца² под псевдонимом С.Катюнин³ (псевдоним связан с именем его дочери Екатерины). Благодаря авторитету Сергея Викторовича (притом что формально он стал заведующим лабораторией только в конце жизни; Сергей Викторович всегда воздерживался от административных должностей) в лаборатории палеофлористики было принято читать молитвенное правило перед трапезой, во время Страстной недели, великих праздников допускалось отсутствие сотрудников. Вообще же отношение человека к вере было для Сергея Викторовича важным аспектом оценки человека.

¹ О следующем желательном шаге см.: *Meyen S.V., Traverse A. Remove «form-genus» too!* // *Taxon*, 1979, vol. 28, №5/6, p. 595–598.

² *Хайнц Т. Творение или эволюция. Анализ теории эволюции в свете Священного Писания.* Chicago: Slavic Gospel Press, 1978. 128 с.

³ *Катюнин С. Креационизм и наука в книге Т. Хайнца «Творение или эволюция»* // Той повеле и создашася: Современные ученые о Сотворении мира. Клин: Христианская жизнь, 1999. С. 166–171.

При этом и в зрелые годы Сергей Викторович не был вполне воцерковлен, не на все вопросы веры были даны предельные ответы, сам себя он квалифицировал как «просвещенного язычника». Показателен в связи с этим его разговор с А.В. Гоманьковым, о котором он неоднократно вспоминал как о примере большей зрелости значительно более молодого человека. Сергей Викторович сказал ему о том, что хорошо бы хотя бы на мгновение перенестись в палеозой для того, чтобы увидеть, как в действительности сочленялись дисперсные части изучаемых им растений. На это Алексей Владимирович задал ему вопрос, имеет ли он право хотя бы на мгновение отлучаться от мира в том времени, в которое послан Богом.

Соединение твердости принципов и практичности действия сохранялось у Сергея Викторовича и в предельных ситуациях. Так, когда стало известно, что он безнадежно болен, к нему стали обращаться экстрасенсы с предложениями помощи. Все предложения он категорически отменил, сознательно предпочтя сохранить чистоту¹.

Примечательно и то, как представлял себе Сергей Викторович появление руководителей ГИНа, в том числе партийных функционеров, на своем отпевании в храме. Необходимость последнего ясно осознавалась им, поскольку он вполне трезво оценивал значение и вес своей фигуры.

Такой практицизм проявлялся и в повседневной «производственной» деятельности. Так, при проведении полевых работ приходится действовать всеми правдами и неправдами, что касается и найма авиатранспорта. В связи с этим Сергей Викторович вспоминал, как одно геологическое управление предоставляло ему вертолет, за что потом предъявило счет ГИНу. В ответ Сергей Викторович выставил этому геологическому управлению встречный счет за определение палеонтологических образцов, после чего первый счет был отозван.

Подобный практицизм проявлялся и в поддержке людей, находившихся в трудных обстоятельствах. Это проявлялось не только в помощи организации приработков, но и в поддержке личными деньгами (явление в Советском Союзе, может быть, даже более редкое, чем в современной России). Кроме того, это была «умственная» поддержка молодых людей в таких ситуациях, как вступление в комсомол или служба в Советской армии. Подобная поддержка, однако, была не циничным поощрением соглашательства, ведущим к распространению гражданского и правового нигилизма, а принципиальным разрешением нравственной коллизии (иногда с привлечением лиц духовного звания). Поэтому совершенно закономерно для его творчества появление в 1977 г. статьи «Принцип сочувствия»², которая стала толчком к зарождению

¹ Это не совсем так. Экстрасенсов начали искать друзья С.В., когда стало ясно, что средства традиционной медицины бессильны. Так, он пользовался рецептом одного «травника» из Ленинграда (ныне Санкт-Петербурга). Рецепт был дан по фотографии С.В., специально сделанной и привезенной из Москвы. Приводили к С.В. и одного старого китайского целителя, лечившего коррекцией «энергетических потоков». Он показал Мейену несколько «упражнений», которые тот некоторое время проделывал, но без успеха. — *Прим. И.И.*

² Мейен С.В. Принцип сочувствия // Пути в незнаемое. Сб. 13. М.: Советский писатель, 1977. С. 401–430.

самостоятельного течения в этике¹. Необходимо также упомянуть и такую черту практической этики Сергея Викторовича, как убеждение в том, что если есть за что, то каждого человека надо благодарить, будь то прохожий, ребенок, начальник, коллега, лаборант. Это он всегда и делал, в том числе и в публикациях, нарушая стандарты, принятые в советской науке.

Показательно отношение Сергея Викторовича к своей работе, выполнение которой невозможно представить без помощи и поддержки его жены Маргариты Алексеевны Мейен (Рождественской; скончалась 2 ноября 2004 г.). О полной его самоотдаче делу говорят ее слова о том, что чаще всего в жизни она видела затылок мужа, работающего за письменным столом. В связи с этим хотелось бы сделать несколько замечаний.

Сергей Викторович всю жизнь проработал только в одной лаборатории и к смене мест работы другими людьми относился настороженно-скептически. В частности, отмечал, что работа в одном и том же месте позволяет ему не задумываться о дороге в институт, так что голова остается свободной. Подобной участи он желал и своим ученикам. Поэтому, к примеру, не брал к себе аспирантов, если не мог им гарантировать работы по специальности после защиты.

При этом он считал очень хорошим вариант работы в непрофильном учреждении — это снимает конфликты с коллегами, особенно тогда, когда уровень работы резко отличается от среднего. Поэтому Сергей Викторович полагал, что работа именно в ГИНе (а, скажем, не в Палеонтологическом институте) давала ему возможность плодотворно заниматься не только палеоботаникой, но и теорией эволюции и общей биологией. Подобную точку зрения отстаивали в то время и бывшие с ним в творческом контакте В.В. Нахимов и Г.П. Щедровицкий — то была осознанная стратегия выживания.

Вместе с тем Сергей Викторович был профессионалом высочайшего класса, высоко ценил любой профессионализм и не переносил дилетантизма (последнее, возможно, не дало возможности проявить себя некоторым подходам в отечественной теории стратиграфии). При этом, несмотря на то что имел репутацию «и теоретика тоже», для него было характерно большее доверие к эмпирическому материалу². Показательно то, как в последней своей большой работе, посвященной фитоспредиингу³, он, следуя за фактами, пришел к выводам, противоречившим некоторым его теоретическим установ-

¹ См., например: Христианство и атеизм. Личная переписка. Zollikon: G2W-Verlag, 1989. 216 с.; а также книгу одного из ближайших соратников Сергея Викторовича Ю.А. Шрейдера «Лекции по этике». М.: МИРОС, 1994. 135 с.

² В частности, поэтому Сергей Викторович очень не хотел, чтобы автор этих строк погрывал с эмпирическими исследованиями. В результате около трех лет я проработал в палеонтологии докембрия, причем некоторые связи с этой проблематикой тянутся до настоящего времени. Должен сказать, что эта работа оказалась исключительно полезной для адекватной оценки многих работ по ранней эволюции биосферы, проблеме происхождения жизни и планет, как и по палеонтологии, геологии и планетологии в целом, за что я Сергею Викторовичу очень благодарен.

³ Мейен С.В. География макроэволюции у высших растений // Журн. общ. биол., 1987, т. 48, №3, с. 291–310.

кам, что привело в смущение часть его последователей. Тем не менее он имел вкус и к теоретическим работам и умел ценить и поощрять их.

Несмотря на очень широкий круг интересов, Сергей Викторович, будучи ценителем профессионализма, в отличие от многих представителей своего круга (включая и некоторых друзей), не пускался в неограниченное освоение новых областей и тем более навязывание этим областям своих представлений. Так, если он занимался дрейфом континентов, то не изобретал новые механизмы, а изучал его с точки зрения палеоботанических данных, а если занимался этикой, то не строил новые глобальные теории, а рассматривал эвристическую ценность (в том числе и в биологии, геологии) тех или иных этических установок.

Тем не менее такая профессиональная «узость» приводила его к результатам, в высшей степени фундаментальным. Так, на основании анализа местных стратиграфических шкал и их корреляций он пришел к формулированию типологической концепции времени, которая с очевидностью показала, что физика не только не разрешила, но и не поставила полно проблему времени (различение времени и часов, трактовка времени как аспекта полиморфизма, отнесенного к одному индивиду, нелинейность времени и т.д.)¹.

Не был свойствен Сергею Викторовичу и искусствоцентризм, столь характерный для определенного круга представителей его поколения, к литературе и искусству он относился снисходительно-уважительно, как к проявлению человеческого духа, слегка иронизируя над теми, кто творил из них кумира. Тем не менее у него были свои эстетические интересы и пристрастия — по его инициативе мы неоднократно бывали с ним на неформальных выставках авангардистов, он многократно рассказывал о фильме «Доктор Живаго» Дэвида Линна, который я смог увидеть только в 1990-е и который неотделим для меня от Сергея Викторовича.

Однако, так или иначе, у Сергея Викторовича не было вкуса к рафинированным формам досуга — чтению беллетристики, посещению театров, концертов, очень скептически относился он к экскурсиям или прогулкам — как по городу, так и по лесу, лыжам, каким-либо спортивным занятиям². Более того, степень такого отрицания (как и — благодаря Маргарите Алексеевне — изоляция от многих повседневных забот; в молодости же, рано женившись и став отцом, он сочетал обучение на двух факультетах с содержанием семьи) нарастала с годами, что Сергей Викторович объяснял желанием успеть больше сделать. Лишь иногда он отвлекался от работы, играя с домочадцами в

¹ См., например: Мейен С.В. Специфика историзма и логика познания прошлого в геологии // Развитие учения о времени в геологии. Киев: Наукова думка, 1982. С. 361–381. Сводку результатов, полученных Сергеем Викторовичем в этой области, см.: Шаров А.А. Анализ типологической концепции времени С.В. Мейена // Конструкции времени в естествознании: На пути к пониманию феномена времени. Ч.1. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 96–111.

² По сведениям А.В. Гоманькова, в молодости его отношение к экскурсиям и прогулкам вовсе не было таким уж скептическим — он сам проводил экскурсии по архитектурным достопримечательностям Москвы с соучениками, а София Михайловна говорила, что он любил кататься на велосипеде.

карты. Тем не менее именно его лаборатория стала в 1970-е одной из площадок, с которых началась краеведческо-экскурсионная и лекционная деятельность В.Л. Махнача. В общем, оставалось ощущение, что в этой области Сергей Викторович реализовал свой потенциал не в полной мере.

Говоря о Сергее Викторовиче, нельзя опустить вопрос об его отношении к общественно-политическим процессам. Намечу только несколько штрихов.

В связи с недостатком провизии в Москве, он ребенком во время войны (видимо в 1942 г.) попал с матерью в одну из подмосковных усадеб своих родственников¹. Там он столкнулся с тем, что крестьяне специально приходили посмотреть на «маленького барина», стараясь оказать ему помощь продуктами и другой поддержкой. Как рассказывал Сергей Викторович, это было для него толчком для того, чтобы задуматься (в каком возрасте он не уточнял) над тем, что в рассказах о «жестоких крепостниках» есть что-то не то.

Обучаясь в университете, он чуть не был исключен из комсомола «за нетоварищеское отношение к женщине», выразившееся в том, что он нелестно отзывался о красе ног соученицы².

Неприятие политического режима в 1970–1980-е³ носило у него тоже «профессиональный» характер. Как специалист по полиморфизму, он исходил из принципиальной неприемлемости тоталитаризма. При этом из общих соображений он был убежден в том, что полиморфизм рано или поздно с неизбежностью восстанавливается. В связи с этим у него был интерес к поколению, родившемуся в первой половине — середине 1950-х, с которого, на его взгляд, началось восстановление нормального уровня полиморфизма. Поэтому же, хотя и с некоторой тревогой, но все же спокойно он воспринимал размывание моральных устоев в середине 1980-х, понимая, что либерализация должна привести к появлению многочисленных не только позитивных, но и негативных персонажей.

В этом отношении очень показательным его впечатление от поездки в США. Он говорил, что после посещений Европы и Индии, это был культурный шок и ему стало понятно, почему выехать из СССР в США на порядок сложнее, чем в капиталистические страны Европы. Дело, на его взгляд, было в том, что США отличаются качественно иным уровнем свободы. В этой свободе ему бросилось в глаза не бескультурие значительной массы американцев, о котором говорят российские интеллектуалы, попавшие в США после

¹ Речь идет об усадьбах, конфискованных после революции 1917 г., в которых их бывшие владельцы иногда сохраняли небольшие жилые площади. — *Прим. И.И.*

² Не думая о возможных последствиях, он сказал в студенческой компании, что у нее «фигура не располагает». А то было время бурной комсомольской жизни и борьбы за нравственность. Мейен всю жизнь помнил этот эпизод и с ужасом говорил, что мог этой глупостью перечеркнуть всю жизнь и научную карьеру. В нем крепко сидел страх потомка «лишенцев», которым в послереволюционные годы был закрыт путь к высшему образованию. По его словам, достопамятное разбирательство не раз всплывало перед ним в ночных кошмарах. — *Прим. И.И.*

³ Которое началось ранее. Так, А.В. Гоманьков вспоминает, как Сергей Викторович остро переживал введение советских войск в Чехословакию в 1968 г., а также его рассказ о том, как в одной из дальних поездок Мейен разругался «в дым» с соседом по купе (военным) из-за оценки личности Ленина.

перестройки, а, скажем, возможность биологу-теоретику быть не монстром, подлежащим гонениям, а неким рядовым персонажем, имеющим некоторую небольшую странность, проявляющуюся в занятиях теорией.

Очень красноречиво характеризует самостоятельность политических взглядов Сергея Викторовича следующая деталь. В 1970–1980-е мало кто верил в возможность глобальной войны СССР с Западом. Тем не менее на идее поиска врага держалась политика СССР, и таким врагом был объявлен Китай. Страх начала войны с Китаем получил определенное распространение. В этой ситуации Сергей Викторович доказывал невозможность войны с Китаем, приводя как некоторые общеполитические аргументы, так и видение ситуации с Западом, в частности из США.

Отличаясь исключительным трудолюбием (что было отмечено награждением Сергея Викторовича орденом «Знак Почета»), он считал, что добросовестный труд несовместим с коммунистическим режимом и разрушает его, являясь тем самым мощнейшим средством разложения этого режима. Но главным источником освобождения России от коммунистического порабощения уже в 1970-е гг. (когда это казалось совершенно невероятным) он считал возрождение Православия.

Таковы лишь некоторые черты, из которых складывался мир Сергея Викторовича. При этом я не упомянул о его родственных связях с художниками, музыкантами, учеными¹, общественными и государственными деятелями, необозримо широком круге его общения и корреспондентов, о его открытом, полном гостей доме и т.д.² Из всего этого строился *мир*, который охватывал все стороны жизни и отгораживал от зла и пошлости социалистической повседневности, от того, о чем, повторяя А.А. Любищева, Сергей Викторович говорил как о «лже марксизма и рже дарвинизма».

Прошедшие с его кончины 18 лет так и не восполнили бреши, которая образовалась с его смертью. По-прежнему остро не хватает возможности обсудить с ним какие-то научные, общественные и личные вопросы (для меня этот рубеж особенно значим, так как в 1987 г. родился мой первый ребенок).

При этом в наше время беспринципных компромиссов и безграничных имитаций, может быть, больше чем раньше не хватает умения Сергея Викторовича ставить вопросы принципиально, а не ситуационно, что крайне необходимо для нынешнего становления нового российского общества.

¹ Позволю себе упомянуть лишь один сюжет, оставивший след в ботанической номенклатуре. Одна из родственниц Сергея Викторовича по матери графиня Е.П. Шереметева организовала в конце XIX в. в своем имении Михайловском естественно-научный музей. София Михайловна неоднократно бывала в Михайловском и помнила работавших там биологов. В числе прочих (Н.А. Мосолова, Ф.В. Бухгольца, Б.А. Федченко и др.) в нем работал крупнейший русский специалист по низшим растениям А.А. Еленкин. Итогом романтической истории стало описание нового вида сине-зеленых нитчаток *Anabaena scheremetievi*, что было сделано с номенклатурной ошибкой (*Рундина Л.А.* Об одной номенклатурной ошибке // *Новости систематики низших растений*. Т. XX. Л.: Наука, 1983. С. 56–58).

² Освещение всех этих вопросов — вполне достойная тема занятий для историка науки, тем более благодарная, что многие участники событий еще живы и активно действуют.